
ИЗ НАСЛЕДИЯ ПРОШЛОГО

ЦИКЛЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ АМЕРИКИ

А. Шлезингер

*(Фрагмент 2-й главы из книги Артура Шлезингера мл.
«Циклы американской истории»)¹*

Мудрецы отмечали упорядоченность перемен, приливов и отливов в человеческой истории. «Две партии, на которые разделено государство, партия консерватизма и партия обновления, – писал в 1841 г. Эмерсон, – очень стары и оспаривают власть над миром с самого его сотворения... То одна, то другая выходит вперед, и все равно борьба возобновляется как будто впервые, с участием новых имен и ярких личностей». Обновление все время толкает вперед, консерватизм все время сдерживает. Весной и летом мы – за реформы, осенью и зимой – мы сторонники старого. Реформаторы утром, консерваторы к ночи. «Обновление – это вырывающаяся наружу энергия; консерватизм – остановка в последнем по счету ритме движения»¹.

I

Полвека спустя Генри Адамс применил к первым годам Американской республики более точную формулировку тезиса о цикличности. «Взмах маятника, – писал он, – измеряется периодом примерно в двенадцать лет. После подписания Декларации независимости понадобилось двенадцать лет для выработки действенной Конституции; следующие двенадцать энергичных лет вызвали реакцию против созданной к тому времени системы правления; третий двенадцатилетний период заканчивался колебанием в сторону проявления еще большей энергии; и даже ребенок мог бы рассчитать результат еще нескольких таких повторов»².

Цикл Адамса описывал сменяющие друг друга течения во внутренней жизни новой нации, а его маятник раскачивался взад-вперед между централизацией и распылением энергии нации. Широкие ритмические колебания,

¹ Шлезингер А. Циклы американской истории / пер. с англ. П.А. Развина и Е.И. Бухаровой. Заключительная статья В.И. Терехова. – М.: Изд-я группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992.

которые он выявил и изучил на материале первых тридцати шести лет независимости Америки, можно заметить и на примере долгих последующих лет. Я унаследовал альтернативное толкование этого циклического феномена от своего отца, который определял крайние точки амплитуды как консерватизм и либерализм, как периоды озабоченности правами меньшинства и периоды озабоченности бедствиями многих³.

В 1949 г. в одной из своих работ мой отец выделил одиннадцать таких изменений курса. Его первые три периода более или менее совпадают с тремя взмахами маятника Генри Адамса и следуют в таком порядке: период уступок Джефферсона после войны 1812 г.; эра демократизации Джексона в 1829–1841 гг.; растущее господство рабовладельцев в национальном руководстве в 1841–1861 гг.; ликвидация рабства в 1861–1869 гг.; консервативное правление в 1869–1901 гг.; эра прогрессистов в 1901–1919 гг.; реставрация республиканцев в 1919–1931 гг.; Новый курс в 1931–1947 гг.

Шесть из этих периодов явились периодами усиления демократии; в ходе других пяти основной целью становилось ее сдерживание. Средняя продолжительность этих одиннадцати периодов – шестнадцать с половиной лет. Самое большое отклонение пришлось на 1861–1901 гг., когда за восьмилетней вспышкой судорожных изменений последовало тридцать два года регресса и реакции. По мысли моего отца, это отклонение имело место потому, что гражданская война и реконструкция ускорили темп и увеличили размах реформ, за короткое время произошли глубокие и отнявшие много сил перемены, которые в ином случае заняли бы гораздо больше времени. «Удлинение контрдвижения в следующем периоде было формой компенсации для восстановления ритма»⁴.

Мой отец, подобно Адамсу, рассматривал политический цикл с точки зрения внутривнутриполитической жизни. Он расходился с Адамсом в характеристике фаз и (незначительно) в оценке периодов. Он также отвергал образ маятника, поскольку это подразумевало колебания между двумя неподвижными точками. Цикл, подчеркивал он, не возвращает нацию к предыдущему положению. После возвращения консерваторов к власти либеральные реформы обычно не сводятся на нет. Наиболее подходящим образом, по словам моего отца, является спираль, в которой витки повторяются на все более высоких уровнях и позволяют происходить процессу аккумуляции изменений⁵.

Формулировка Шлезингера, первоначально изложенная на лекции в 1924 г., включала в себя предсказание, что консерватизм в стиле Кулиджа просуществует примерно до 1932 г. Данная мысль вызвала у одного из присутствовавших огорченное восклицание: «Боже мой!» (Воскликнувший – Дэвид К. Найлз – стал, при наступлении следующего либерального периода, одним из специальных помощников Рузвельта и Трумэна.) В первой опубликованной работе на эту тему «Приливы в американской политической жизни», увидевшей свет на страницах «Йейл ревью» в декабре 1939 г., он предсказал, что преобладавшие тогда либеральные настроения иссякнут

примерно к 1947 г. Выступая с обновленной аргументацией в 1949 г. в «Путиях к настоящему», мой отец писал: «Отход от либерализма, который начался в 1947 г. (с началом работы конгресса 80-го созыва, названного Трумэном «бездеятельным, ни на что не годным»), должен прекратиться в 1962 г., возможно, на год-два раньше или позже. Основываясь на этом, можно сделать вывод, что следующая консервативная эпоха наступит где-то около 1978 года»⁶.

II

Успешное предсказание создает соответствующее настроение в пользу гипотезы. Но я, как наследник гипотезы своего отца, нашел, что меня беспокоит вопрос о том, как характеризовать циклические повороты.

Формулировка Эмерсона – «консерватизм против обновления» – проблематична. «Крепость, на защиту которой встал консерватизм, – писал Эмерсон, – это действительное положение вещей, не важно – хорошее оно или плохое... Консерватизм никогда не делает шага вперед; в тот час, когда он совершит это, он начнет представлять собой не устои, а реформу»⁷. Отождествление консерватизма со статус-кво подходит при характеристике президентств Бьюкенена и Хейса, Кулиджа и Эйзенхауэра. Но куда же тогда отнести Александра Гамильтона, отнюдь не сторонника демократии, однако великого реформатора своего времени, или, если на то пошло, Рональда Рейгана, откровенного консерватора, но такого, который высказал недовольство «действительным состоянием вещей», осудил истеблишмент и стал своего рода реформатором?

Что касается формулировки Адамса – «распыление против централизации национальной энергии», то она действует относительно трех периодов, к которым он ее применил, а также относительно XX в.; но не вполне подходит к большей части XIX в. Формулировка моего отца – «консерватизм против либерализма» – действует в отношении всех периодов в общем плане, однако используемые термины подвержены слишком большому числу различных уточнений.

Экономист Альберт Хиршман в 1982 г. в книге «Смещающаяся заинтересованность» предлагает иную систему циклов. Распространяя теорию потребления на внутреннюю политику, Хиршман утверждает, что со времен промышленной революции западное общество поочередно устремляет свою заинтересованность то к одной, то к другой из двух расходящихся целей – индивидуальному и общественному счастью. Согласно циклу Хиршмана, общество движется туда-сюда между периодами поглощенности делами частных лиц и периодами занятости общественными проблемами. Это периодические повороты, по его словам, между «частным интересом» и «общественной активностью»⁸.

В книге 1984 г. политологов Герберта Маккроски и Джона Заллера «Американская этическая система» предложено еще одно уточнение. Хотя Маккроски и Заллер проводят свой анализ не с точки зрения цикличности,

их исследование напряженности между капитализмом и демократией в американском обществе иллюстрирует определенный цикл. Опираясь на опросы общественного мнения, а также на исторические данные, они выявляют наличие продолжающейся борьбы между капиталистическими ценностями – неприкосновенностью частной собственности, максимизацией прибыли, культом свободного рынка, выживанием сильнейших – и демократическими ценностями – равенством, свободой, социальной ответственностью и всеобщим благосостоянием, которые в случае необходимости обеспечиваются общественными мерами по регулированию вопросов собственности и ограничению прибылей. Пока это скорее напряженность, чем непримиримое противоречие. Капитализм и демократия начинали как союзники в ходе революции против абсолютной монархии и феодальной аристократии и продолжают разделять веру в личную свободу, суверенитет народа, ограничение власти государства и равенство всех перед законом. В Америке капитализм включает в себя демократию, а демократия – капитализм. Тем не менее эти две системы взглядов указывают в разные стороны. Обзорное исследование «недвусмысленно», по определению Макклоски и Заллера, показывает, что, хотя ни одна из этих сторон не стремится к ликвидации другой, те, кто наиболее привержен демократическим ценностям, оказывают минимальную поддержку капитализму, а те, кто наиболее привержен капиталистическим ценностям, оказывают минимальную поддержку демократии⁹.

Полярность между делами общественными и частным интересом, демократией и капитализмом все же не решает проблем начального этапа существования республики. Куда отнести Гамильтона, считавшего, что личное обогащение должно направляться общественной целью? Джефферсона, который не доверял правительству (за исключением возглавляемого им самим), и возлагал надежду лишь на частный интерес? Однако начало республики было переходным периодом, когда действия общества в духе меркантилизма помогали капитализму, а частный интерес в аграрном плане – демократии. А теория полярности, даже если она и не дает возможности точно определить место Гамильтона или Джефферсона, перекликается с конфликтом, который недавно разгорелся в среде американских историков между сторонниками «республиканской» и «либеральной» (то есть в духе свободного предпринимательства) традиций в процессе формирования нации.

Классические республиканцы рассматривали добродетель как жизненную силу свободных республик и опасались вырождения, постоянно приносящего, как они знали из изучения истории, личным интересом и корыстолюбием частника. Несомненно, ученые мужи, охваченные энтузиазмом первооткрывателей, сделали чрезмерный упор на республиканский компонент в американском мышлении¹⁰. Тем не менее республиканское направление было составной частью наследия. А диалектическое противоречие XVIII в. между добродетелью и коммерцией, между общественным благосостоянием и частной собственностью позднее возродилось вновь в виде про-

тиворечия между демократией и капитализмом, между общественными целями и частными интересами.

Имеет ли это противоречие дополнительное отношение к историческому спору относительно теории движущих сил истории Америки, спору, базирующемуся на расхождении между прагматической концепцией Америки как страны, подчиненной законам истории, одной из многих других, предпринявшей рискованный эксперимент, и мистическим видением американцев как судьбоносной нации, направленной Всевышним на спасение погрязшего в грехах человечества? Уравнение «общественное – частное» и уравнение «эксперимент – судьба» накладываются друг на друга скорее частично, чем полностью. Экспериментаторы, такие, как оба Рузвельта, и верующие в судьбу, подобно Вильсону, были в равной мере преданы идее общественной целесообразности. Практики, люди типа Эйзенхауэра, и идеологи, подобные Рейгану, в равной мере были преданы идее частного интереса. Два уравнения взаимно переплетаются, образуя сложную ткань американской истории.

III

Давайте тогда определим цикл как непрерывное перемещение точки приложения усилий нации между целями общества и интересами частных лиц. Но определение – это еще не объяснение. Почему цикл протекает именно таким образом? Что вызывает эти периодические перемены, эти приливы и отливы в сфере национальных приоритетов?

Если это подлинный цикл, то объяснение следует искать прежде всего в его внутренней природе. Каждая новая фаза должна вырастать из состояния предыдущей и присущих ей противоречий, в них находя и подготавливая условия для очередного поворота. Другими словами, истинный цикл является самовоспроизводящимся. Его не могут определять внешние явления, если только процесс не сопряжен с катастрофой. Война, депрессии, инфляционные проявления могут вызывать панику, ажиотаж или какими-то иными проявлениями усложнять общую картину настроений в обществе, но цикл продолжает раскручиваться, самодвижущийся, самодостаточный и автономный. Независимость политического цикла подтверждается отсутствием у него прямого соотношения даже со столь мощным по воздействию фактором, как экономический цикл. Депрессия вызвала к жизни «новый курс», однако прогрессистская эра началась в период, для которого в целом было характерно процветание, а имевшие место в период 1869–1901 гг. две жестокие депрессии не повернули вспять растущую волну консерватизма.

Корни этого самодовлеющего циклического развития лежат, несомненно, в глубине человеческого естества. Существует циклическая упорядоченность в явлениях природы – в приливах и отливах, в смене времен года, дня и ночи, в работе человеческого сердца. Ученый-медик Уолтер Б. Кэннон полвека назад продемонстрировал, что в человеческом теле происходят автоматические компенсирующие реакции в случае возникновения

угрозы выхода его из состояния покоя, высказав далее предположение, что в общественном организме, возможно, функционирует схожий «гомеостазис»¹¹.

Сама психология современности также имеет циклическую основу. По мере ускорения темпов социальных перемен люди становятся существами, для которых характерна вечная неудовлетворенность. Желания безграничны и потому никогда не могут быть полностью удовлетворены. Адам Смит воспевал «желание улучшить условия, в которых мы живем, – желание, которое... сопровождает нас от рождения и никогда не покидает нас до тех пор, пока мы не сходим в могилу. И во всем отпущенном нам сроке вряд ли, наверное, найдется хотя бы миг, когда кто-либо был бы удовлетворен своим положением в столь совершенной и полной степени, чтобы совсем не желать изменения его или улучшения»¹². Гиршман напоминает замечание Канта русскому историку Карамзину: «Дайте человеку все, что он желает, и все равно в тот же самый момент он ощутит, что это все, – еще не все»¹³. Разочарование – всеобщий недуг современности.

Оно же главный двигатель политических перемен. Люди никогда не довольствуются тем, что имеют в течение длительного времени, будь то в общественной или частной сфере. Мы пробуем одно, затем другое – и неудовлетворенность заставляет нас изменять курс действий. Более того, каким бы эффективным ни был конкретный курс при решении одного комплекса проблем, он обычно пробуксовывает и не срабатывает при возникновении новых проблем. А многие проблемы неразрешимы по самой своей внутренней сути. По мере того как политические эры, будь то эры с преобладанием ориентации на общественные цели или же с господством частных интересов, проходят свой путь, они неизменно генерируют желание чего-то иного. Всегда наступает когда-нибудь «время перемен».

Каждая фаза порождает свои особые противоречия. Общественная акция, имеющая целью улучшить наше положение, вызывает значительные перемены, следующие одна за другой, причем в сжатые сроки. Реформы в Соединенных Штатах, как правило, похожи на стрельбу очередями. Моделью этого служат «100 дней» Франклина Рузвельта. В конце концов потоком нововведений начинает захлебываться сам социально-политический организм, которому требуется время, чтобы их переварить. Как сказал Эмерсон, «наша политическая жизнь в значительной мере физиологична»¹⁴. Общественное действие, рассчитанное на долгий период, тем более истощает эмоционально. Способность нации к выполнению политических обязательств, требующих от нее высокого напряжения, ограничена. Природа требует передышки. Люди неспособны более заставлять себя продолжать героические усилия. Они жаждут погрузиться в свои личные житейские дела. Издерганные постоянными боевыми призывами, истощенные непрерывной общенациональной активностью, разочарованные полученными результатами, они стремятся к освобождению от взятых обетов, передышке для отдыха и восстановления сил. Так сходят на нет публичные акции, страсти,

идеализм и реформы. Общественные проблемы передаются на попечение невидимой руки рынка. «Повсюду был полный штиль», как сказал Генри Адамс о 90-х годах прошлого века¹⁵. Следование частным интересам рассматривается как средство решения общественных проблем. Наступают времена «приватизации»* (варварское, но подходящее слово), материализма, гедонизма и всепоглощающего стремления к личному удовольствию. Политическая деятельность на классовой и групповой основе затухает, а политическая деятельность, формируемая факторами культурного характера – по этническому, религиозному, моральному признаку, по признаку социального статуса, – выходит на первый план. В это же время часто происходит процесс консолидации, в рамках которого усваиваются и узакониваются нововведения предыдущего периода.

Кроме того, это время – время подготовки. Эпохи господства частных интересов также порождают противоречия. Такие периоды характеризуются скрытыми под поверхностью течениями неудовлетворенности, критики, брожения, протеста. Целые группы населения оказываются позади в гонке приобретательства. Интеллектуалы отчуждаются. Загнанные внутрь проблемы обостряются, грозят стать неразрешимыми и требуют вмешательства. Людям надоедают эгоистические мотивы и перспективы, они устают от погони за материальными благами в качестве наивысшей цели. Период отдыха от бремени общественных забот восполняет национальную энергию, подзаряжает батареи нации. Люди начинают искать в жизни смысл, не замыкаясь на себе самих. Они спрашивают, не что их страна может сделать для них, а что они могут сделать для своей страны. Они готовы к звуку боевой трубы. Наконец, что-то играющее роль детонатора – какая-либо проблема, грандиозная по масштабам и по степени опасности и которую неспособна разрешить невидимая рука рынка, – ведет к прорыву в новую эпоху в политической жизни страны. Как говаривали во времена династии Чжоу в Китае за тысячу лет до Рождества Христова, «мандат Неба дается не навечно».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Emerson. «The Conservative».
- ² Henry Adams, History of the United States of America During the Administrations of Thomas Jefferson and James Madison (New York. 1889–1891), VI, 123.
- ³ Arthur M. Schlesinger, Paths to the Present (New York, 1949), 93.
- ⁴ Ibid., 96.
- ⁵ Ibid., 98.
- ⁶ Ibid., 97.
- ⁷ Emerson, «The Conservative».
- ⁸ A.O. Hirschman, Shifting Involvements. Private Interest and Public Action (Princeton, 1982), 3, 8.

* Имеется в виду «уход в частную жизнь». – *Прим. перев.*

- ⁹ Herbert McClosky and John Zaller, *The American Ethos: Public Attitudes Toward Capitalism and Democracy* (Cambridge, Mass., 1984), особ. 162, 291–292.
- ¹⁰ По данному вопросу мне представляется убедительной книга: John P. Diggins, *The Lost Soul of American Politics: Virtue, Self-interest, and the Foundations of Liberalism* (New York, 1984).
- ¹¹ Walter B. Cannon, *The Way of an Investigator* (New York, 1945), 115.
- ¹² Adam Smith, *The Wealth of Nations* (Modern Library ed.), 324–325.
- ¹³ Hirschman, *Shifting Involvements*, 11.
- ¹⁴ Emerson, «Fate».
- ¹⁵ *The Education of Henry Adams* (Boston, 1918), ch. XXI.

CYCLES IN AMERICAN POLITICAL LIFE

A. Schlesinger